

Кельнский зодчий (Авенариус)

Василий Петрович Авенариус Из рейнских сказаний Кельнский зодчий

В XIII-м веке от Рождества Христова в городе Кельне на Рейне жил некий искусный зодчий. Своим редким умением строить всякие здания древних и новых стилей заслужил он себе почетную известность не только в своем родном городе, но и далеко по течению Рейна. Но для его ненасытного честолюбия этого было мало. Ему хотелось создать такой памятник зодчества, чтобы имя его прогремело по целому свету и прославлялось затем из века в век в потомстве. И вот, судьба, казалось, сжалилась над честолюбцем и послала ему желанный случай.

Однажды его потребовал к себе высокопреосвященный Конрад, архиепископ кельнский.

— Мы пришли к решению, — молвил владыка, — дать богоспасаемому граду Кельну такой храм, коему равного по величине и благолепию не имеется еще во всем христианском мире. Первой лептой на то я отдаю все мое собственное, немалое достояние. Не сомневаюсь, что на столь богоугодное дело доброхотные приношения потекут к нам обильно как от наших добрых горожан, так и из иных мест, близких и дальних. Остается лишь найти строителя. Но о тебе, мой сын, как о таковом, я давно уже наслышан. Возьмешься ли ты начертать нам на пергаменте подходящий план для такого собора?

От лестного предложения у зодчего дух в груди заняло, голова закружилась. Но в безмерной самонадеянности он ни минуты не задумался над ответом.

— Берусь, владыка, — сказал он с поклоном. — А какой срок даете вы мне на изготовление плана?

— От сего дня и часа годичный срок. Тем временем соберутся и деньги, подвезут материал. Это — моя забота. Твое дело пока — план. Так что же, сын мой, берешься?

— Берусь, — повторил зодчий.

Приняв благословение святителя, он с победоносным видом пошел восвояси. Итак, заветная мечта его сбывалась: он мог создать теперь на общее удивление нечто небывалое по величию, красоте и блеску. Ничто другое не

должно было вперед отвлекать его от великого дела. И, отказавшись от всяких других, самых выгодных работ, он весь отдался этому единственному делу. Наяву и во сне мерещился ему новый собор. Но над ним тяготела точно какая-то враждебная сила: то, что так ярко и отчетливо рисовалось перед его духовным взором, тотчас расплывалось в воздухе обманчивым маревом, как только он брался за карандаш и бумагу. Тогда он напрягал всю свою память, чтобы насильно вызвать опять перед собою забытое. Отчасти ему это, действительно, удавалось, и в конце концов, после многих переделок, из-под умелой руки его выходило нечто очень красивое, даже величественное. Но самого его оно все-таки не удовлетворяло, и, окончив план, он всякий раз опять разрывал его на мелкие клочки.

Тем временем, по распоряжению архиепископа, с Драконова утеса свозились уже каменные глыбы к месту, отведенному для будущего собора. У горожан же только и разговору было, что о новом храме божьем и о его строителе. Уж если он, этот славный мастер, взялся его построить, то храм будет красоты неописанной. И когда, случалось, наш зодчий выходил на улицу, все встречные ему низко кланялись и почтительно давали ему дорогу. Он же, поникнув головой, приходил мимо, никого не замечая и никому не отвечая на поклоны.

— Весь, небось, до макушки ушел в свою великую думу, — говорили прохожие, глядя ему вслед. — Где уж ему до нас, грешных!

А он, в искусство которого все так слепо верили, все более терзался сомнениями, терял уже веру в самого себя!

Так подошел данный ему владыкой годичный срок; оставалось до срока всего три дня.

На дворе с утра еще шумела непогода. Ветер завывал в печной трубе, хлопал ставнями окон. От этого воя и грохота наш зодчий не мог связать двух мыслей. Наконец он не выдержал, схватил с гвоздя шляпу и выбежал из дому. Но на улице он был на виду у всех, а он был бы рад убежать от самого себя. Так очутился он за городом, в лесу, в горах. Небо давно обложило тучами, от чего в лесной чаще было еще темнее. Вот и смерклось, а он забирался все глубже в чащу, все дальше в горы.

Наконец наступила и ночь, черная, непроглядная. Куда же теперь?

Тут собиравшаяся весь день гроза внезапно разразилась. Сверкнула молния, загремел гром, и полил дождь как из ведра. Укрывшись под густолиственным дубом, зодчий стоял точно околдованный: при вспышках молний окружающие

вековые деревья представлялись ему грозными великанами, махавшими своими мохнатыми руками, чтобы схватить его, дерзнувшего проникнуть в их таинственное царство.

Вдруг молния разрядилась над самой головой его с таким оглушительным треском, что его отбросило в сторону. От нестерпимого блеска он невольно зажмурился. Когда же раскрыл глаза, то увидел, что молния ударила в тот самый дуб, под которым перед тем стоял он, и весь ствол дерева пылает, как громадная лучина.

Тут, казалось, из самого пламени выступил какой-то человек в красном плаще и с красным пером на широкополой шляпе.

— Славная погодка, чудесная погодка! — заговорил он, подходя к зодчему слегка прихрамывая на одну ногу. — Гулять тоже изволите?

— Вам молнией, никак, повредило ногу? — спросил зодчий.

— Пустяки! — отвечал незнакомец, усаживаясь под ближайшим деревом на старый пенёк и запахивая ногу плащом. — Не присядете ли вы тоже? Тут сухо.

Присев на соседний пенёк, зодчий внимательнее взгляделся в лицо незнакомца: из-под нависших полей шляпы светились точно два горящих угля, а на тонких губах змеилась загадочная усмешка.

— Вы как будто расстроены? — начал опять незнакомец. — Уж не горе ли у вас какое? смею спросить.

Зодчий не сейчас ответил; но вырвавшийся у него невольный вздох был самым красноречивым ответом.

— Всякое горе можно залить добрым питьем, — продолжал незнакомец, доставая из-под плаща дорожную флягу. — Отхлебните глоточек, — как рукою снимет.

Принял зодчий от него флягу, отхлебнул, — и словно огонь разлился по его жилам.

— Ну, что, — спросил незнакомец, — каков напиток?

— Напиток дивный, — отвечал зодчий. — На душе сразу стало легче...

— Так что вы тотчас, пожалуй, начертали бы весь план?

— Какой план?

— Да нового собора. Неужели вы думаете, что я не узнал с первого взгляда знаменитого мастера, которому поручено сделать этот план? Но одному вам все же никогда с ним не справиться, поверьте моему слову.

«Да кто же мне поможет?» — хотел было спросить зодчий. Но из насмешливых глаз незнакомца посыпались такие зловещие искры, что он должен был потупить взор, и тут заметил снова прикрытую плащом хромую ногу незнакомца.

«Да ведь у нечистого, говорят, лошадиное копыто!» — вспомнилось ему вдруг, и волосы на голове у него стали дыбом, зубы во рту защелкали.

Незнакомец рассмеялся.

— Чего вы испугались? Ученому человеку пугаться, право, не пристало. Я кое-что смыслю также по вашей части.

— Но мне остается до срока всего два дня, — возразил зодчий, — а составить такой сложный план — план целого собора — в два дня и думать нечего.

— Как кому — отвечал незнакомец, приподнимаясь и вынимая из-под плаща пергаментный сверток. — Вот, например, не угодно ли посмотреть.

Зодчий также встал, чтобы ближе разглядеть развернутый незнакомцем свиток, да как взглянул, так в глазах у него зарябило: на пергаменте оказалось мастерски выполненным именно то, о чем он постоянно мечтал, но что самому ему ни за что не давалось.

— Да ведь это мой собственный план! — воскликнул он и хотел выхватить пергамент из рук незнакомца.

— Не торопитесь, любезнейший, — сказал незнакомец. — Пока он мой; но я не прочь уступить его вам, если вы подпишете небольшой договор... Но вас опять, я вижу, трясет лихорадка! Выпейте-ка еще для храбрости.

Зодчий сделал еще глоток из фляги незнакомца, и от волшебного зелья его бросило из озноба в жар и храбрости в груди, в самом деле, прибавилось.

— О чем договор ваш? — спросил он.

— Да вот прочитайте сами!

Незнакомец подал ему дощечку, на которой было написано огненными буквами всего несколько строк. Но, прочитав их, зодчий затрепетал всем телом.

— Чтобы я продал свою душу? Ни за что!

— Ну, так распроститесь и с планом. Таких договоров у меня несчетное число; одним больше или меньше — для меня мало значит. Для вас же впереди или почет, или позор.

— Да ведь у нас нет ни пера, ни чернил... — пробормотал зодчий.

— Вот перо, — сказал незнакомец, снимая большое красное перо с своей шляпы. — А чернила — ваши собственные.

Царапнув руку зодчего до крови длинным когтем своего указательного пальца, он окунул перо в свежую ранку.

— Распишитесь внизу; кроме вашей подписи, ничего мне не требуется.

Зодчий расписался и, взамен расписки, принял сверток. В тот же миг над самой головой его грянул гром, как из тысячи орудий, а в землю перед ним ударила молния. Земля треснула, и из трещины взвился огненный столб с смрадным дымом и охватил незнакомца. Ослепленный пламенем и едким дымом, зодчий закрыл глаза рукой. Когда же он отнял руку, ни незнакомца, ни пламени уже не было. Кругом стояла прежняя тьма кромешная, да в воздухе пахло серой.

После долгого плутания по густому лесу, зодчий, до смерти усталый, выбрался наконец под утро к берегу Рейна.

Укрывшийся здесь от ночной бури в заводи рыбака принял его в свою ладью и благополучно доставил в город. Когда зодчий доплелся до своего дома, то, не раздеваясь, повалился на постель и заснул тотчас, как убитый.

Проспал он так беспросыпно двое суток, да и тогда еще не проснулся бы сам, не растолкай его посланец архиепископа со словами:

— Вставайте, ваша милость, вставайте: владыка зовет вас к себе.

— Владыка? — пробормотал зодчий с трудом собираясь с мыслями. — Да разве уже срок?

— Надо быть что так: — «скажи, — говорит, — что я жду план собора».

Зодчий огляделся: на столе лежал столь памятный ему пергаментный сверток. Значит, все это был не сон, а правда!

Приведя в порядок свой наряд, он отправился к архиепископу с неразвернутым свертком: у него не достало духу еще раз взглянуть на план; будь, что будет!

Высокопреосвященный, при виде свертка в руке зодчего, принял его еще милостивее прежнего.

— Ты, вижу, тверд в своем слове, — молвил он. — Но что с тобой, сын мой? Как ты бледен, как печален! Или сам ты недоволен своей работой?

— Мастеру, владыка, трудно судить о своей работе, — уклончиво отвечал зодчий.

— Так дай посудить другим.

Зодчий развернул свой сверток. Владыка ахнул от изумления.

— Ты — великий мастер! Такого храма еще нигде не бывало, где поклоняются святому кресту. Ты себя обессмертил, сын мой, и мы увековечим твое имя на особой доске в самом храме. С завтрашнего же дня можешь приступить к его постройке.

И точно, со следующего же дня постройка началась. Тысячи землекопов, каменщиков и плотников закопошились на отведенном под собор месте. Как по волшебству, в короткое время был заложен фундамент; а когда стали затем возводить стены, в одну из них вделали большую медную доску с вырезанным на ней именем славного строителя.

Но самого его это не утешало; не утешал и успешный ход работ. Ведь чем скорее шли они, тем неизбежнее подходил и роковой час расплаты. Зодчий совсем упал духом и бродил вокруг своего создания рассеянный и хмурый, как осужденный к смерти. Наконец, чтобы облегчить свою совесть, он покался во всем своему духовнику.

— Злосчастный! — ужаснулся духовник. — Твое прегрешение так вопиюще, что все мои молитвы тебе не помогут.

— Но что же мне делать, что мне делать?! — в отчаянии вскричал зодчий.

— Если кто может еще вырвать тебя из когтей дьявольских, так некий старец-пустынник святого жития. Полвека уже спасается он в горах; многократно изгонял он злых духов из грешников. Сходи к нему, попытайся.

— И собрался зодчий к святому старцу. Возложил на него старец тяжелую епитимию, строгий пост и жестокие истязания; сам молился с ним денно и

ночно в власянице и веригах. Шли так недели, шли месяцы; зодчий им и счет потерял. От вечных бдений и всяких лишений остались на нем одни кости да кожа, и весь оброс он волосами, как дикий зверь лесной.

— Теперь, сын мой, вернись к своему делу, — сказал ему тут пустынный. — Веди и впредь такой же покаянный образ жизни. Быть может, тогда враг рода человеческого утратит свою власть над тобою.

— Вернулся зодчий к своему делу. Но в его отсутствие между архиепископом и городскими властями возникли крупные несогласия, и постройка собора была приостановлена. Хотя с возвращением строителя, работы и возобновились, но не прекращавшиеся неурядицы тормозили их на каждом шагу. А надломленное уже здоровье зодчего от постоянных новых огорчений еще более подрывалось. Он слабел, слабел, пока не мог уже сделать и шагу из дому. Но об нем уже не заботились, и угас он, всеми покинутый и никем не оплаканный.

— Как только его не стало, из стены недостроенного храма исчезла и доска с его именем. Постройка же собора с тех пор шла крайне — туго, прерываясь иногда на целые годы. Прошли столетия, а начатое с помощью нечистой силы величественное здание все еще не достроено...

— Так гласит народное предание; так повторялось оно в народе еще и в первой половине XIX века. Но благочестивые люди по-прежнему не забывали неоконченного храма своими лептами. Благодаря усиленному притоку их, в 1842 году решено было, во что бы то ни стало, достроить храм. И вот, 15 октября 1880 г. состоялось наконец торжество освящения готового уже собора, одного из гениальнейших созданий зодческого искусства. Тут, спустя 600 лет слишком, вспомнили и о его первом зодчем; в старинной хронике было отыскано его забытое имя: мастер Герард — Meister Gerard, — имя, которое отныне навсегда уже связано с постройкою Кельнского собора.